

— Лао-фо-е поправила выбившиеся прядки у нее на висках, и ее тон смягчился. — Но, Циньэр, ты должна запомнить: то, что он, Фу Эركان, заставил тебя пережить такие страдания — его собственная глупость. Моя Циньэр заслуживает лучшего в этом мире, заслуживает человека, который будет относиться к тебе открыто и всей душой.

Глаза Циньэр снова защипало, на этот раз от этой ничем не сдерживаемой нежности:

— Циньэр понимает, спасибо, Лао-фо-е.

— За что ты благодаришь? — Лао-фо-е нарочно сделала строгое лицо, но в глазах ее таилась улыбка. — Айцзя просто говорит правду. И всё же...

Она сделала паузу, и в ее голосе проскользнула нотка властности:

— Он поступил подло, и Айцзя не может просто так это оставить. Весь дворец знал о вашем так называемом «понимании без слов», а теперь он говорит, что хочет всё порвать — считает Айцзя пустого места не стоящей?

Циньэр торопливо произнесла:

— Лао-фо-е, не усложняйте ему жизнь. В конце концов... любить кого-то изначально не ошибка.

— Айцзя не усложняет ему жизнь, — Лао-фо-е махнула рукой, и в ее глазах мелькнул проницательный блеск. — Но клан Фу должен знать, что человека из моего окружения нельзя обижать безнаказанно. Тебе не нужно об этом беспокоиться, у Айцзя всё под контролем.

Циньэр знала: Лао-фо-е делает это, чтобы поддержать ее, и вовсе не для того, чтобы задавить авторитетом, а чтобы Эركان понял: ты можешь не любить, но ты не смеешь выказывать неуважение.

— Слушаюсь, Циньэр поняла, — она тихо кивнула, и на сердце у нее стало тепло.

Ночь углубилась, свечи во Дворце Цынингун постепенно догорали. Циньэр услужила Лао-фо-е лечь спать и тихонько вышла в переднюю комнату.

Она толкнула окно, и прохладный осенний ветерок ворвался внутрь, принося с собой легкий аромат османтуса. Фонари под галереей тянулись вдоль ночного пейзажа, словно теплая светящаяся лента.

Глядя на это глубокое ночное небо, Циньэр вдруг почувствовала, как опустевшее местечко в ее сердце до краёв наполнилось ночным ветром.

Дело не в том, что не было сожаления — просто жизнь так длинна, и всегда найдутся вещи поважнее детских сердечных привязанностей.

Циньэр тихонько закрыла окно, и когда повернулась, шаг ее был легкий.

Завтра, когда взойдет солнце, она снова станет той самой благородной и безупречной княжной Цин. Вот только в каком-то уголке ее сердца уже тихо сменилось небо и земля.

На ложе во внутренних покоях Лао-фо-е, прислушиваясь к легким шагам снаружи, тронула губы в довольной улыбке.

Ее Циньэр действительно выросла.

Глава 32. Лампада-фазан? Лампада-ласточка!

С другой стороны, резиденция Цзи.

Цзи Чжичэн только что сменил дежурство, как тут же заперся в кабинете, прихватив с собой бамбуковую щепку, цветную бумагу и клей.

Приближался праздник Уллуна, и он хотел заранее попробовать смастерить для Сяо Яньцзы неповторимый фонарик в виде ласточки.

К ужину госпожа Цзи, не увидев сына во дворе, с удивлением спросила:

— А где Чжичэн?

Прислуживающий слуга опустил голову и ответил:

— Молодой господин сразу по возвращении в усадьбу заперся в кабинете, говорит... будет делать фонарь.

— Фонарь? — глаза госпожи Цзи загорелись, и она повернулась к мужу, который неторопливо брал палочками еду. — Старик Цзи, ты слышал? Чжичэн мастерит фонарик! Но ведь такое любят молодые девчонки... Уж не появилась ли у нашего сына возлюбленная?

Цзи Сяолань неспешно смаковал нежность тушеного в красном соусе карпа и даже брови не приподнял:

— Дорогая, для простого народа еда — это небеса. Даже если у Чжичэна появилась любимая, ужинать-то нам всё равно надо, разве нет?

— Ешь, ешь, у тебя на уме только еда! — госпожа Цзи недовольно зыркнула на него. — Сыну уже двадцать, а о его устройстве в жизни ты не переживаешь? Разве так ведут себя отцы!

— О чем мне переживать? — Цзи Сяолань тут же отложил палочки, погладил бороду, и в его глазах блеснула хитрость. — Мало того, что я не переживаю, я еще и знаю, из какого она рода.

— Знаешь?! — госпожа Цзи тут же подалась вперед, и ее лицо расплылось в угодливой улыбке.
— Любимый муж, ну-ка скажи, чья это дочь? Я ее видела?

Натешившись уступчивой нежностью жены, Цзи Сяолань неторопливо изрек:

— Видела? Да она приемная дочь самой нынешнего Императрицы, Принцесса Хуаньчжу, внесенная в императорские списки!

— Принцесса Сяо Яньцзы? — сперва обрадовалась госпожа Цзи. Хотя она никогда не видела Сяо Яньцзы, она часто слышала, как муж рассказывает о «проделках» этой принцессы на уроках.

Ей казалось, что это живая и яркая девчушка, очень подходящая ей по нраву. Но призадумавшись, она снова встревожилась:

— Этому... Хотя наш род и знатный, но принцесса всё же золото и листья драгоценные, боюсь...

— Боишься чего? — Цзи Сяолань взял чашку с чаем, прополоскал рот и неторопливо плеснул холодной воды на пыл жены. — По мне так сейчас тут «у юноши есть чувства, а у девушки — нет». Боюсь, у нашей принцессы Хуаньчжу к Чжичэну пока еще нет сердечных чувств мужчины и женщины. Дорогая жена, тебе, пожалуй, придется еще подождать со статус-ролью второй невестки.

— Да что ты понимаешь! — госпожа Цзи не смирилась и вытаращила глаза. — Неприступная дева боится настырного ухажера! Лишь бы наш Чжичэн старался, проявил толстокожесть и относился к ней искренне, разве может сердце не растопиться? Об этом во всех романах пишут!

Цзи Сяолань рассмеялся:

— А познания моей жены нынче растут, вы даже до премудростей из романов докопались?

— Конечно! — с гордостью заявила госпожа Цзи, но тут же сообразила, что муж подшучивает над тем временем, когда она почти не знала иероглифов, и тут же разозлилась. — Цзи Сяолань! Не смей поминать старое!

— Хорошо-хорошо, не буду, не буду. — Цзи Сяолань благоразумно умолк, но глаза его были полны улыбки.

В кабинете ярко горели свечи. Цзи Чжичэн сражался с грудой разбросанных бамбуковых лучин и цветной бумаги.

Ученость у него была отменная, а вот руки — не сказать чтобы ловкие. Он попробовал несколько раз, но каркас, который он сплетал, получался то кривым, то разваливался, и никак не удавалось удержать форму той самой задуманной парящей ласточки.

На лбу Цзи Чжичэна выступили капли пота, но он даже не утирал их, а лишь сосредоточенно сверял с рисунками из альбома, осторожно выправляя изгибы.

В мыслях невольно всплывало лицо Сяо Яньцзы с ее смеющимися полумесяцами глаз и разлетающимися прядками волос, когда она резвилась... от этого движения его рук становились чуточку мягче и терпеливее.

Спустя неизвестно сколько времени набросок наконец был готов. Он шумно выдохнул, поднимая этот слегка неуклюжий, но полный искренности фонарик, оглядывал его со всех сторон, и чем больше смотрел, тем больше оставался доволен, так что ему не терпелось поделиться этой радостью.

— Папа, посмотри, как я сделал этот фонарь? — с фонарем в руке он вприпрыжку выбежал из кабинета и как раз столкнулся с Цзи Сяоланем, который прогуливался по двору для пищеварения.

Цзи Сяолань остановился и при свете фонаря под галереей придирчиво оглядел... кхм, весьма абстрактную по форме лампаду в руках сына. Поразмыслив добрую половину дня, он погладил бороду, глубокомысленно хмыкнул и осторожно произнес:

— Форма сей лампы весьма своеобразна, в ней есть дикая прелесть. Только... неужто фазан?

Улыбка на лице Цзи Чжичэна застыла:

— Папа, это ласточка.

— О? Ласточка, значит... — Цзи Сяолань не моргнув глазом кивнул. — Мм, если приглядеться, и впрямь есть кое-какое сходство с духом птицы. А уж крылья здесь — особенно живые.

Он на самом деле не особо разглядел сходство, но огонёк в глазах сына не позволял ему разрушать надежды.

Цзи Чжичэн вновь засиял улыбкой:

— Пойду покажу матушке!

Глядя на его скачущую спину, Цзи Сяолань покачал головой и усмехнулся, тихонько пробормотав:

— Глупый мальчишка.

— Матушка! Матушка, иди скорее взгляни! — во дворе разнесся голос Цзи Чжичэна.

Госпожа Цзи вышла из комнаты и увидела, что сын держит фонарь и умоляюще смотрит на

нее, а этот полный ожидания взгляд заставил ее сердце дрогнуть. Она присмотрелась: лампа была похожа на птицу, но вот на какую именно?

— Чжичэн, — подбирая слова, старалась изо всех сил похвалить его она, — твоя... лампа-фазан и правда очень бодрая! Погляди на эти цвета, до чего яркие!

Огонёк в глазах Цзи Чжичэна заметно потускнел:

— Матушка, это не фазан.

— Тогда... сорока? — заметив, что выражение лица сына помрачнело еще сильнее, госпожа Цзи тут же исправилась. — Нет-нет, матушка еще посмотрит, еще посмотрит...

Она пододвинулась ближе, и ее мозг закрутился с бешеной скоростью: сын мастерит фонарь, наверняка для принцессы Сяо Яньцзы. Ласточка, ласточка... Придумала!

— Ой! Да что за глаза у меня! — госпожа Цзи хлопнула себя по лбу и уверенно заявила. — Да это же ласточка! Готовящаяся взмыть в небо ласточка, до чего похожа! Какой же у нашего Чжичэна тонкий вкус!

Однако Цзи Чжичэн уже расслышал неуверенность в первой половине фразы матушки, а вспомнив недавнюю оплошность отца, почувствовал, как этот пузырь возбуждения лопнул со звуком «пфф». Он опустил голову, глядя на творение своих рук, созданное после бесчисленных неудач, и вдруг подумал, что оно и вправду... не слишком-то похоже на ласточку.

Мрачно буркнув «угу», он развернулся и снова нырнул в кабинет, оставив госпожу Цзи в растерянности:

— Ой, неужто я не то ляпнула?

Цзи Сяолань приблизился шагом, обнял жену за плечи и с улыбкой прошептал:

— Пусть сам поломает голову. Разве можно создавать что-то для любимого человека без должных трудов и стараний?

Внутри кабинета Цзи Чжичэн вздохнул на этот фонарь. Даже отец с матерью, которые знали его лучше всех, не смогли узнать птицу, а уж эта прямолинейная Сяо Яньцзы, пожалуй, скажет еще прямое: «Это что еще такое?».

При мысли о том, как она, возможно, сморщит носик, изображая презрение, но не сдерживая любопытства, он не только не огорчился, но и тихонько улыбнулся в уголках рта.

Глава 33. Свет ламп отражает пару летящих ласточек

В день праздника Уллуна Шуофанчжай была завалена самыми разными фонарями. Сяо Яньцзы, Цзывэй и Циньэр с энтузиазмом выбирали их.

Когда лотосовый фонарь Лао-фо-е и пионовый фонарь Императрицы были с почтением отправлены через слуг, остальные изящные маленькие светильники раздали талантливым юношам и красавицам Шуофанчжая. Праздник есть праздник, всегда веселее, когда все вместе.

Циньэр теперь часто бывала в Шуофанчжае. Лао-фо-е в последнее время переменилась: она не только перестала постоянно муштровывать ее правилам, но и часто подгоняла чаще общаться со сверстниками. Видя, как Императрица едва ли не каждый день ходит во Дворец Цынингун составлять компанию Лао-фо-е, Циньэр тоже безбоязненно приходила поиграть с Сяо Яньцзы и Цзывэй.

— Цзывэй, Циньэр, вы только посмотрите на этот вращающийся фонарь, фигурки внутри просто «как живые»! — Сяо Яньцзы указала на крутящийся светильник и выпалила наотмашь.

Цзывэй и Циньэр, услышав это, удивленно переглянулись. Цзывэй улыбнулась:

— Боже мой, Циньэр, ты слышала? Сяо Яньцзы использует идиомы! И к тому же так к месту!

Циньэр тоже улыбнулась и похвалила:

— И правда, Сяо Яньцзы, ты становишься всё лучше и лучше!

Сяо Яньцзы от похвалы слегка загордилась и самодовольно изрекла:

— То-то же! Каждый день с вами двумя великими талантами кручусь, если бы я, Сяо Яньцзы, не делала успехов, вот это было бы странно!

Цзывэй прикусила губу и в шутку подколола:

— Мы с Циньэр не смеем приписывать себе заслуги, разве не твой «наставник Сяо Цзи» тебя так прекрасно выучил?

Циньэр тоже захихикала. Лицо Сяо Яньцзы покраснело, и она сделала вид, что хочет пощекотать Цзывэй:

— Ах ты, Цзывэй, смеешь над мной насмехаться!

— Не смею, не смею, пощадите принцессу! — Цзывэй поспешно со смехом запросила пощады, и в Шуофанчжае тотчас зазвучал радостный смех.

Пока они так хохотали и резвились, снаружи раздался голос евнуха-глашатая:

— Прибыли старший господин Фу, второй господин Фу и художник Бэньцземин.

Эртай первым вошел внутрь, держа лотосовый фонарь, а Эркэн и Бэньцземин следовали за ним. В руке у Эркана был искусно приготовленный фонарь в форме фиолетовой орхидеи, а Бэньцземин нес миниатюрное судно странной формы, расписанное в западном стиле.

— Издалека слышан ваш смех, о чем это вы так веселитесь? — звонко спросил Эртай.

— Да это Сяо Яньцзы, — улыбаясь, подхватила Цзывэй, — она только что так безупречно вставила идиому.

Все рассмеялись и похвалили Сяо Яньцзы. На душе у Сяо Яньцзы стало тепло и приятно, она мысленно дала себе зарок стараться еще сильнее, чтобы все они «были поражены». Ой? Кажется, она снова использовала идиому про себя!

В этот момент Эркэн направился к Цзывэй. Его взгляд на миг быстрым движением скользнул по стоявшей рядом Циньэр: на лице той по-прежнему играла мягкая и учтивая улыбка, и, заметив его взгляд, она даже легонько кивнула в знак приветствия. Ее манера держаться была естественной и открытой, что лишь сильнее заставило сердце Эркана сжаться и почувствовать себя еще более неловко.

Он собрался с духом, протянул Цзывэй тот изысканный фиолетовый фонарь и постарался говорить как можно спокойнее:

— Цзывэй, этот фонарь... я специально попросил ремесленника из внешнего города смастерить его по форме фиолетовой орхидеи. Сегодня мы отпускаем фонари с молитвами о благословении, быть может... это немного выразит твою тоску по матери.

Стоявшая рядом Циньэр не изменила улыбки, лишь кончики пальцев, державшие веер, едва заметно сжались.

Она не смотрела на этот фонарь, ее взгляд спокойно переметнулся к окну, словно она любовалась цветами и деревьями во дворе.

Цзывэй заметила и неловкость Эркана, и безмятежность Циньэр. В душе она легко вздохнула, но внешне осталась мягкой, ясно и вежливо отклонив подарок:

— Благодарю старшего господина Фу за заботу. Только вот Циньэр уже давным-давно своими руками сделала для меня фонарь-орхидею, чувства в нем глубоки, и я уже решила взять ее фонарь. А вашу доброту Цзывэй принимает в сердце.

Взгляд Эркана потускнел, рука с фонарем замерла, он молча опустил ее и тихо проронил:

— ...Так и должно быть.

Он чувствовал себя неуютно, особенно в присутствии Циньэр, отчего ему казалось, что подобные маневры перед проницательными людьми лишь множат неловкость.

Сяо Яньцзы вертелась возле Бэньцземина с любопытством разглядывая его «корабль», совершенно не замечая тонкой атмосферы вокруг, и громко спросила:

— Птичка, почему твой фонарь в виде корабля? Что это за рисунки на нем?

Бэньцземин добродушно объяснил:

— Сяо Яньцзы, это не простой фонарь, это называется «судно Дхармы». Вы, китайцы, используете его для поминовения предков, а я сделал его, чтобы помолиться за своего учителя Лан Шинина.

— Ты — иноземец, а тоже веришь в это? — удивилась Сяо Яньцзы еще сильнее.

— В чужой стране следуй ее обычаям, а искренность — залог успеха, — улыбнулся Бэньцземин.
— Мне показалось, что эта форма очень торжественна, вот я и смастерил его, возношу молитвы своему Богу.

В этот момент за дверью снова донеслось:

— Прибыл господин Цзи из Академии Ханьлинь!

Глаза Сяо Яньцзы заблестели, она едва ли не мгновенно развернулась к выходу, расплывшись в яркой улыбке:

— Наставник Сяо Цзи!

Цзи Чжичэн неспешным шагом вошел внутрь и сначала поклонился остальным. На нем был простой светло-зеленый халат, делавший его утонченным и элегантным. Сяо Яньцзы в несколько прыжков подскочила к нему, сразу заметив руки, спрятанные за спиной, и тут же с наклоненной набок головкой принялась допытываться:

— Что это у тебя за спиной? Спрятал какую-то диковинку?

Заметив ее нетерпеливый вид, Цзи Чжичэн почувствовал, как в глубине глаз потеплело, и перестал томить, вытащив руки из-за спины — перед глазами присутствующих предстал фонарь в виде ласточки, выглядевший как живой.

— Ой! Фонарик-ласточка! Прямо как настоящая птица! — Сяо Яньцзы восторженно приняла его, извергая восторг и вертя его в руках так и этак.

Вдруг что-то вспомнив, она «топ-топ-топ» припустила к столу, бережно подхватила другой фонарь и прибежала обратно:

— Глянь, я тоже сделала ласточку! Только... моя получилась не такая похожая, как твоя, не такая красивая.

Фонарик в ее руках обладал слегка детским и неуклюжим каркасом, да и цветная бумага на нем лежала неровно, но было видно, что это толстенькая птичка, в которую вложили все старания, чтобы придать ей форму ласточки.

Цзи Чжичэн посмотрел на то, как она, словно сокровище, держит сделанный ею фонарик, а затем сравнил с той изящной вещью, что была у него самого, и сердце его неожиданно смягчилось.

Он внимательно взгляделся в эту «ласточку Сяо Яньцзы» и тепло произнес:

— Ничуть. По мне, так очень мило, с забавным простодушием, есть в этом свое очарование. Особенно изгиб крыльев — прямо чувствуется, как она взмывает ввысь.

— Правда? — глазки Сяо Яньцзы тут же заблестели. Она поставила оба фонаря рядом на ближайший чайный столик: большой и малый, изящный и неуклюжий, они стояли бок о бок.

Поглядев на них, она вдруг схватила то маленькое, что сделала сама, сунула в руки Цзи Чжичэну, а взамен забрала его изысканную ласточку.

— Давай выпустим их вместе! — ее голос звучал легко и естественно, неся в себе присущую ей уверенность. — Позже моя ласточка поплывет по реке вместе с твоей большой ласточкой! Им будет веселее вдвоем, никто не останется один, разве не здорово?

Цзи Чжичэн сжал в пальцах этот слегка неуклюжий, но бесконечно искренний фонарик, который еще хранил тепло ее ладони, и волна тепла тихо пролилась в его душу.

Он поднял глаза на ее чистые, ясные, наполненные радостным смехом очи, уголки его губ изогнулись в мягкой улыбке, и он тихо ответил:

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Несколько человек неподалеку наблюдали за этой сценой. Цзывэй и Циньэр обменялись улыбками. Эртай толкнул локтем Юнци, и тот с улыбкой покачал головой. Бэньцземин тоже озарил всех благостной улыбкой.

Эркан, стоявший чуть подальше, наблюдал за естественным и близким общением Сяо Яньцзы и Цзи Чжичэна, а вспомнив собственную недавнюю неловкость и невыразимое отчуждение между ним и Цзывэй, почувствовал на сердце целый букет разных вкусов и молча отвел взгляд.

Цзи Чжичэн бережно пристроил фонарик-ласточку Сяо Яньцзы и, видя, как та уже увлеченно планирует вечерний запуск огней, подумал, что этот обычный праздник благодаря ей

наполнился таким ярким предвкушением.

Во Дворце Цынингун Лао-фо-е выслушивала доклад Цяньлуна о том, что Фу Линъань был дополнительно направлен для усиления ночного патрулирования повсюду во избежание пожаров, и на душе у нее стало спокойнее. Глядя на сгущающиеся сумерки за окном, она молча молила о благополучии во всем.

По всему дворцу пестрели фонари и ленты, играли световые блики, придав празднику больше веселья, чем в прошлые годы. Поскольку Император в этом году выделил особый призовой фонд на выбор самого изящного и оригинального фонаря, хозяева каждого павильона рвались в бой.

Все лишь ждали, когда опустится ночь и начнется праздник речных фонарей.

Глава 34. Цинъэр падает в воду, а Фу Линъань спасает красавицу

Наступила ночь, зажглись первые огни, и дворцовый праздник Уллуна официально открылся у берегов озера Тайечи.

Придворные с разнообразными речными фонарями в руках легким шагом проходили сквозь галереи и водные беседки, осторожно опуская в воду лампы, в которые были вложены благословения и тоска.

Поверхность озера Тайечи постепенно озарилась звездными точками света: фонари-лотосы, рыбы-карпы, дворцовые лампы, вращающиеся светильники... Разнообразные речные огни покачивались на волнах, и каждый из них нес в себе самые глубокие чаяния обитателей дворца.

На возвышенной обзорной площадке Лао-фо-е в сопровождении Цяньлуна и Императрицы любовалась великолепным видом озера, чувствуя, как ее сердце переполняется умиротворением.

— В этом году Император все устроил с особой заботой, глядя на это, Айцзя радуется сердцем,
— тепло произнесла Лао-фо-е.

Цяньлун с улыбкой указал на особенно изящное и богатое судно Дхармы на озере:

— Посмотрите, Лао-фо-е, это судно Дхармы Император приказал изготовить в ведомстве Внутренних дел специально, чтобы молить о процветании страны и мире для народа, а также о благоприятных ветрах и дождях. Немного отличается от прошлых лет, вам нравится?

— Нравится, Император подошел к делу с душой, — кивнула Лао-фо-е, но ее взгляд невольно скользнул по кишащей толпе внизу, словно она что-то искала. — Нынче здесь будто бы оживленнее, чем в прошлые годы.

— Да, пожалуй, собрался почти весь дворец, — Цяньлун проследил за ее взглядом и улыбнулся.
— Только вот интересно, кому в этом году достанется награда за лучший водяной фонарь?

— По мне так хорош каждый, важнее всего — искренность намерения, — произнесла Лао-фо-е и вдруг заметила отсутствие привычного щебетания подле себя, спросив: — А где девчонки? Почему даже Циньэр не рядом?

Консорт Лин с улыбкой выступила вперед и указала на берег неподалеку:

— Посмотрите, Ваше Величество, принцессы давно нашли отличное место и отправились пускать фонари.

Проследив за указанием Консорта Лин, можно было увидеть, как Сяо Яньцзы одной рукой держала изящную ласточку, а другой пыталась увлечь за собой стоявшего рядом Цзи Чжичэна, вприпрыжку пробиваясь к воде. Юнцзи прикрывал ее сбоку, страшась, как бы толпа не задела ее.

Чуть позади Цзывэй и Циньэр несли в руках по фонарю: рядом с Цзывэй шел Эркан, а по бокам от Циньэр — Эртай и Бэньцземин. Вся компания медленно двигалась вслед за потоком людей.

Циньэр несла собственноручно сделанный фонарь в форме подсолнуха, желая опустить его в чуть более уединенном месте. Повернувшись, она как раз заметила, как Эркан неотступно следовал шагом позади Цзывэй на расстоянии полушага — это была инстинктивная защитная стойка, а его взгляд был накрепко прикован к хрупкой спине Цзывэй, полный сосредоточенности и нежности, словно окружающий шум не имел к нему никакого отношения.

В груди кольнуло, будто тонкой иглой, оставив легкую, но отчетливую боль. Циньэр тут же отвела взгляд, опустил длинные ресницы и надежно спрятав мимолетную тоску.

Она говорила себе, что должна была понять это давным-давно, и уже смирилась, но когда видишь все своими глазами, эта запоздалая глухая боль всё равно накатывала в назначенное время.

Неподалеку Фу Линъань во главе отряда совершал обход, поддерживая порядок. Его суровый взгляд проскользнул по толпе и как раз выхватил тот миг, когда Циньэр опустила брови.

<http://bllate.org/book/22028/2290212>